

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

Ковшовой Марии Львовны,
доктора филологических наук (10.02.19 – теория языка),
о диссертации Граневой Ирины Юрьевны
«Русские личные местоимения в свете
интегрального описания языка: коммуникативно-прагматические,
лингвокультурологические и когнитивно-дискурсивные аспекты»,
представленной на соискание ученой степени
доктора филологических наук, специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертационное исследование посвящено комплексному изучению русских личных местоимений, взятых во всей совокупности их языковых свойств и экстравалингвистических факторов употребления. Выбранный подход в свете интегрального описания личных местоимений представляется **актуальным**, поскольку отвечает наиболее значимым в теоретическом и методологическом плане исследованиям известных лингвистов в области дейксиса, референции, теории коммуникации, лингвистической прагматики, когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Также **актуальным** видится то, что исследование собственно личных местоимений нацелено на развитие активной лексикографии как интегральной науки, позволяющей описать лексическую систему языка, опосредованную «говорящим» человеком, языковой личностью.

Новизна исследования обусловлена тем, что в работе впервые проведен системный, активный и многоаспектный анализ русских личных местоимений в свете интегрального описания языка. Впервые разработано и осуществлено лексикографическое портретирование личных местоимений 1 и 2 лица, обеспечивающее глубину понимания их семантики, системных связей с другими словами и регулярного взаимодействия с языковыми единицами в тексте и дискурсе.

Целью исследования было с применением коммуникативно-прагматического подхода провести синхроническое лексикографическое портретирование личных местоимений 1 и 2 лица. Автор поставил ряд задач, которые были успешно решены; анализ проводился на обширном материале русской речи (1482 словоупотребления Я, 1632 словоупотребления ТЫ, 1508 словоупотреблений МЫ и 1577 словоупотреблений ВЫ, с учетом форм словоизменения).

Теоретическая значимость работы состоит в осуществлении комплексного и многоаспектного исследования личных местоимений, более полном и глубоком выявлении специфики категориального значения личных местоимений 1 и 2 лица, многообразие их значений и функций в разных коммуникативных условиях. Учтена установка на отражение языковой картины мира, ее важнейшего фрагмента. В ходе лексикографического портретирования личные местоимения представлены не как абстрактная

система, а как фрагмент живого языка, данный в реальном употреблении и ориентированный на синхронное языковое сознание.

Работа состоит из введения, трёх глав с выводами по каждой главе, заключения и библиографического списка (всего около 500 единиц). Перечень научной и научно-методической литературы, словарей и разных источников отражает глубокое освоение темы и широкий охват материала исследования. Дополняет диссертацию приложение, в котором перечисляются индексы типов употребления личных местоимений.

В работе используется совокупность лингвистических методов, в том числе метод лексикографического анализа, метод логического анализа языка, метод контекстуального анализа, дискурс-анализа; формируется коммуникативно-прагматический метод исследования личных местоимений.

Во **введении** автор убедительно обосновывает выбор темы, ее актуальность и теоретическую значимость, четко ставит цель, формулирует основную гипотезу и положения, перечисляет задачи.

В **первой главе «Личные местоимения современного русского языка в теоретическом освещении: лингвистическая традиция и современное состояние вопроса»** с опорой на известные труды обосновываются теоретические и методологические принципы исследования в области, имеющей богатую научную традицию – теоретическое осмысление местоимений начиналось в грамматиках Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого (где оно называлось «местоимя»). В ходе критического осмысления существующих работ и направлений формируется концепция исследования. Автор убедительно доказывает, что языковая специфика личных местоимений должна исследоваться с учетом их дейктических и референциальных характеристик, которые, будучи составляющими коммуникативного акта, обобщаются в рамках единого коммуникативно-прагматического подхода. Истоки этого подхода автор видит еще у В.А. Богородицкого и у А.М. Пешковского; также убедительно показана роль лингвокультурологического и лингвокогнитивного подходов в исследовании личных местоимений.

К наиболее важным результатам, полученным в данной главе, следует отнести систематизацию коммуникативно-прагматических факторов, необходимых для комплексного анализа личных местоимений, создание «списка коммуникативных условий» и «типов речи», а также условий, предполагающих учитывание микро- и макроконтекста и конситуации.

Во **второй главе «Значение и употребление русских личных местоимений в коммуникативно-прагматическом описании»** описываются референтные и нереферентные употребления личных местоимений 1 и 2 лица, рассматриваются рефлексы их семантических преобразований, проводится обоснование идеи «номинативизации дейкса», или динамических переходов дейктической функции в номинативную. Особое внимание удалено расширению и трансформации системноязыкового значения в его дискурсивной реализации. На широком

контекстном материале проводится анализ и обобщаются наблюдения коммуникативно-прагматического характера.

Наиболее важным результатом исследования в данной главе является то, что в ней смоделирована семантическая структура личных местоимений и представлены их «лексикографические портреты», имеющие иерархическое устройство – в них воплощены уровни и подуровни семантической структуры местоимений. С помощью условных индексов схематизируется семантическая структура личных местоимений 1 и 2 лица в современном русском языке; ср., напр.: **IPU₁** — первичное референтное употребление inklusivное. **IPU_{1/2}'** — первичное референтное употребление нейтральное, производное первого порядка, неопределенной адресации.

В третьей главе **«Русские личные местоимения в лингвокультурологическом и когнитивно-дискурсивном описании»** исследуются вопросы разнообразных содержательных и коннотативно-оценочных трансформаций личных местоимений 1 и 2 лица. Исследованы особенности варьирования личных местоимений в дискурсах разного типа, в том числе в манипулятивном дискурсе; в свете идей «языкового расширения» проанализированы неузуальные сочетания личных местоимений; подробно исследованы стилеобразующие и текстообразующие функции личных местоимений. Утверждение о «культурной значимости» и национальной специфике в значении и употреблении личных местоимений без сопоставительного исследования звучит небесспорно, однако насыщенность употребления личных местоимений культурными коннотациями вполне обоснована и глубоко проанализирована. В целом, можно сказать, что личные местоимения как средство культурно детерминированной и оценочной интерпретации действительности описываются в свежих интересных ракурсах.

В **заключении** освещаются основные результаты работы, суммируются полученные наблюдения, намечаются перспективы исследования.

Основной результат составляет комплексное исследование русских личных местоимений в свете интегрального описания языка и разработка коммуникативно-прагматического подхода по отношению к единицам не номинативного, а дейктического характера. **Теоретически ценной** представляется создание процедуры многоаспектного лексикографического портретирования личных местоимений 1 и 2 лица. В работе выявлена роль личных местоимений в отражении ключевых идей русской языковой картины мира; описаны их стилеобразующие и текстообразующие функции; глубоко исследовано использование местоимений в манипулятивных тактиках.

Перейдем к **вопросам и замечаниям**, которые можно сгруппировать следующим образом:

1. Понятийно-терминологические вопросы.

Автор в своей концепции использует понятие «собственно речевое значение», или «речевое значение», однако данное понятие не получает в

работе должного обоснования (см. его конспективное описание на с. 70, 105 дис.). Прошу дать строгое определение данного понятия и пояснить, как оно соотносится с таким понятием, как «системно-языковое значение в его дискурсивной реализации». Являются ли эти понятия синонимичными?

Разграничивает ли автор понятия «значение» и «смысл»? В работе категорично заявляется, что «понятие «тип употребления» обобщает традиционные понятия «значение», «оттенок смысла», «лексико-семантический вариант» и др.» (с. 112 дис.), при том что данное понятие ограничено указанием на «определенный тип значения единицы, возникающего в типовых же коммуникативных и прагматических условиях в конкретных речевых актах» (Там же). Во-первых, как может более узкое понятие «тип употребления» обобщать более широкое понятие «значение»? Во-вторых, не логичнее было бы, согласно известному высказыванию Л. Витгенштейна, сделать рабочим понятие «тип значения», которое объяснялось бы через понятие «тип употребления», а не наоборот?

Что такое «смысловые группы»? (с. 269 дис.) Почему в основу первой смысловой группы фразеологизмов с ТЫ положен критерий первичной референтности, а в основу второй смысловой группы - разнообразные эмоциональные реакции говорящего на ситуацию? При этом обращения типа *сударь ты мой, дорогой ты мой* относятся к первой смысловой группе и не рассматриваются в плане эмоциональной реакции говорящего? Третья смысловая группа включает т.н. «фамильярные» типа *хватит с тебя* и др. Почему к этой группе не отнести конструкции *сударь ты мой* из первой группы или *фу ты, ну ты* из второй? Почему этих смысловых групп только три и данное членение наблюдается только в этом отрезке диссертации?

2. Теоретические и методологические замечания.

Процессы субстантивации, лексикализации и фразеологизации местоимений представлены в виде стадий «номинативизации дейксиса» – как будто речь идет об одной и той же лексеме, которая переживает разные стадии, в то время как процессы охватывают разного типа языковые единицы, которые сформировались на местоименной основе. Получается, что одна и та же языковая единица проходит разные стадии, а это неверно.

Схематичное описание третьей стадии – фразеологизации местоимений – сводится к индексу ФУ, такое упрощенное индексирование видится показательным, поскольку соотносится с упрощенным представлением диссертанта о разных явлениях фразеологии. В работе употребление русских личных местоимений в составе фразеологизмов трактуется как следующий этап номинативизации дейксиса, вслед за лексикализацией и субстантивацией. Согласно положениям, сформулированным в диссертации, на этом этапе местоимение вообще «утрачивает свою способность хоть как-то осуществлять референцию к реальным участникам коммуникации и даже теряет свое автономное лексическое и грамматическое значение, становясь несамостоятельным смысловым и структурным компонентом фразеологической единицы» (с. 5 и 260 дис.).

Представляется, что для начала автору следовало бы разграничить случаи употребления, когда личные местоимения не входят во фразеологизмы, не являются их словами-компонентами, и случаи, когда местоимения входят в состав фразеологизмов как слова-компоненты. Так, в русском языке есть обороты с открытой грамматической валентностью, которую в речи часто заполняют личные местоимения или имена существительные, в т.ч. имена собственные (типа *хватит с X-а*, где X – лицо или группа лиц: *хватит с меня, с тебя, с Вас, с нас, с него, с нее, с них, с матери, с Пети, с Маши* и др.). То, что валентность заполняется, как правило, личными местоимениями, не означает их включения в состав фразеологизма, и соответственно, не свидетельствует о стадии фразеологизации этих местоимений, а лишь подтверждает тезис о гипертроированном участии личных местоимений в разговорной неформальной коммуникации. С другой стороны, местоимения могут являться словами-компонентами фразеологизированных грамматических конструкций (типа *между нами говоря, перейти на ты, вот оно что* и др.), и в разного разряда идиомы – фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания, фразеологические обороты, фраземы, поговорки, крылатые слова и др. (типа *на тебе, вот тебе раз; фу ты ну ты; мы пахали; наше дело правое; я не я и хата не моя; сегодня ты, а завтра я* и др.). В большинстве разрядов фразеологии, особенно во фразеологических сращениях и фразеологических единствах, слова-компоненты десемантизируются, что можно трактовать как факт их фразеологизации.

Не дифференцированный должным образом подход к явлениям фразеологии вызывает ошибки в квалификации случаев фразеологизации личных местоимений. Так, нельзя признать случаем фразеологизации описанное на с. 273 употребление местоимения *С тобой каши не сваришь*, поскольку местоимение не является словом-компонентом фразеологизма; фразеологизм здесь: *каши не сваришь с кем-л.* Местоимение ТЫ в форме Тв.п. не утрачивает свою способность осуществлять референцию к реальным участникам коммуникации, не теряет свое автономное лексическое и грамматическое значение, не становится несамостоятельным компонентом фразеологической единицы. Если начать признавать такие случаи заполнения валентности фразеологизацией местоимений, то вместо картины «реальных значений» и «реальных употреблений» личных местоимений мы рискуем обрести реально сумбурную картину «речевых фразеологизмов»; ср.: *у тебя семь пятниц на неделе, тебя только не хватало, моё/твоё/наше/его/её дело телячье* и т.п. Если следовать такой логике, нужно описывать как самостоятельные единицы фразеологизмы со всяким и каждым заполнением валентности; ср.: *У Пети семь пятниц на неделе, у моего мужа семь пятниц на неделе, у наших правителей семь пятниц на неделе* и т.п.

Пытаясь отстоять идею фразеологизации при тесном контакте личных местоимений с фразеологизмом, автор пишет на с. 322: «Сфера своего мира,

своего круга отражена также в фразеологизме *На наших глазах* — в значении ‘На виду у нас, в настоящее время (с точки зрения говорящего лица)’, где говорящий вовлекает в круг неопределенно большого количества людей в свой кругозор, в свое поле зрения (вы, конечно, видите то же, что и я, потому что мы с вами — одно). Должна заметить, что фразеологизмом здесь является единица *на глазах* чьих, кого-л./ у кого-л. делать что-л., происходит что-л. Первое значение фразеологизма: ‘В присутствии кого-л., при непосредственном восприятии чего-л.’ Имеется в виду, что лицо, группа лиц (Х) являются очевидцами события (Р). По примерам, часто валентность заполняют притяжательные местоимения или личные местоимения в косвенном падеже: на наших, ваших, моих, твоих, ее, его, у меня, у тебя, у нас, у нее, у него, у них. Ср.: *На наших глазах водитель совершил обгон. На моих глазах напали на человека.* Второе значение фразеологизма: ‘Не скрывая своих действий, слишком открыто, бесцеремонно, нагло’. Обычно валентность заполняет лексема *все* — *у всех на глазах*, а также слова с семантикой начальник, представитель власти, закона. Третье значение фразеологизма: ‘Под присмотром, под пристальным наблюдением и руководством, при непосредственном участии кого-л.’: ср.: *Девочка выросла на моих глазах.* Четвертое значение: ‘Очень быстро, при непосредственном наблюдении за процессом’. Идиома в данном значении в валентности, как правило, не нуждается. Ср.: *Уголовное дело разваливается на глазах. Доверие рухнуло буквально на глазах.* Очевидно, что притяжательная форма местоимения *наших* не входит в состав фразеологизма ни в одном значении, семантика местоимения не подвергается переосмыслению, фразеологизации не происходит. При этом в тексте могут образовываться коннотации, не влияющие на значение фразеологизма, но интенсифицирующие смысл высказывания в целом.

Справедливости ради надо сказать, что в отдельных случаях диссертант отмечает существование общей конструкции (причем пропуская это слово); ср. на с. 283: «по общей для всех личных местоимений С Х хватит (будет, довольно)». Однако диссертант считает возможным «расширять» пресловутое речевое значение выражения, включая в его толкование каждый раз дополнительные оттенки смысла, вызванные использованием в качестве валентности того или иного местоимения. По этой логике, каждое выражение с Я-ТЫ-ВЫ-МЫ описывается как самостоятельная единица; ср.: «*С нас хватит / будет / довольно* ‘Наступил предел, нам достаточно, мы больше не хотим или не можем’». Очевидно, однако, что данная конструкция сохраняет значение достаточности чего-л. независимо от того, какое личное местоимение заполняет открытую в ней валентность. Также очевидно, что такое понимание «речевого значения» превратит описание любого фразеологизма в зависимости от его сочетания с местоимением, существительным (а далее — с глаголами) в высказывании в бесконечное умножение толкований. Это неизбежно повлечет за собой неизбежную

вульгаризацию коммуникативно-прагматического подхода и упрощению описания и личных местоимений, и фразеологизмов в тексте и дискурсе.

3. Замечания по анализу материала.

В отдельных случаях проблематика падежа местоимений остается без внимания. Ср., например, ряд форм дательного падежа (с. 24 автореф.): *Вот тебе и на! Откуда же я тебе его возьму! Я тебе съем!* Некоторые из них принято квалифицировать как дательный этический (присущий только местоимениям), другие – как дательный заинтересованного/незаинтересованного лица (*Dativus Commodi et Incommodi*) (или бенефактив). В работе эти характеристики не отмечаются.

Вызывает вопросы отнесение к лексикализованным таких конструкций, как *A у тебя сколько человек проживает в квартире? Я приеду к тебе.* Предложно-падежные конструкции в обоих предложениях указывают на место, связанное с данным лицом. Почему они трактуются как лексикализованные? Для сравнения: *у меня / у меня дома; зайду к нему //зайду к нему домой.* Можно говорить о своеобразном эллипсисе, но не о лексикализации. Понятие лексикализации предполагает приобретение грамматической формой статуса слова. В приведенных выше примерах такой трансформации не происходит. Создается впечатление трактовки лексикализации вне устоявшейся традиции – согласно диссертанту, лексикализация местоимений не сопровождается «грамматическими эффектами перехода личного местоимения в другую часть речи» (с. 106 дис.).

На с. 144 дис. ТЫ определяется как **первичное референтное употребление в акторечевом, диалогическом режиме интерпретации, «близкое».** Приводится пример: *Тыфу ты, дважды повторила вопрос.* Очевидно, что данное употребление не является первичным референтным, и ТЫ в примере не указывает на тип слушающего. Это междометное употребление с застывшей формой Им.п. местоимения ТЫ.

Поговорка *Без меня меня женили* квалифицируется как единица, «формально равная предложению, но функционально не выражающая законченной мысли» (с. 261 дис.). Сказанное противоречит семантике единицы (см. толкование в Большом словаре русских поговорок под ред. В.М. Мокиенко) и многочисленным примерам употребления (см. НКРЯ).

4. Проблемы интерпретации.

Квалификация типов употребления личных местоимений зачастую зависит от интерпретации исследователя. Ср. на с. 146 дис. пример из коллективного форума (в отношении бизнесмена Мих. Прохорова): ... мне *пофиг, как ты создавал свой бизнес, ты мне обеспечь получку, а о работе и не говори и не требуй, согласно КзОТА ты мне обязан платить за то, что я к тебе пришел.* Диссертант описывает ТЫ в этом примере как - **IPУ_{реч}X (первичное референтное употребление в акторечевом, диалогическом режиме интерпретации, «хамское»).** Представляется, что референция в данном примере может быть генеритивного характера – Мих. Прохоров и ему подобные. В квалификации стилистических оттенков диссертант

становится на позицию адресата: «хамское», в то время как с позиции адресанта это «ты» может быть интерпретировано как, например, «прямое, искреннее». Помета «психологическое» в отношении разных употреблений выглядит слишком общо. Возможно, при описании должна учитываться и прагматика говорящего, и прагматика слушающего, и прагматика включенного или стороннего наблюдателя.

5. Стилистические замечания.

В Введении описание научной новизны заменяется изложением результатов исследования (с. 15). Нельзя не заметить многочисленные опечатки в тексте диссертации. Ср. на с. 379: «... в работах О.В. Соколовой получили название «лискурсы актвинного воздействия».

Перечисленные вопросы вызваны исключительно большим интересом к работе, обусловлены ее глубоким поисковым характером и научным масштабом исследования. Все замечания носят частный характер или открывают возможность для научной дискуссии и не влияют на общую положительную оценку работы.

Теоретическая значимость работы не вызывает сомнений. Многие из заданных здесь вопросов четко обозначились именно благодаря предложеному диссидентом новому подходу в исследовании личных местоимений. Ценным является **личный вклад соискателя** в разработку теоретических и методологических основ комплексного системно-структурного анализа личных местоимений и его комплексного осуществления. В диссертации впервые представлена «живая жизнь» русских личных местоимений 1 и 2 лица, описанных во всей совокупности языковых и внеязыковых особенностей их употребления, показанных в панорамном объеме. **Конкретные результаты** исследования найдут успешное применение в учебно-методической работе, в лексикографии, а также в переводческой практике. Реценziруемая работа является оригинальным, обстоятельным, самостоятельным и перспективным научным исследованием, которое решает важную теоретическую задачу анализа личных местоимений в свете интегрального описания языка и вносит определенный научно-практический вклад в русистику.

Научные результаты, полученные И.Ю. Граневой, соответствуют паспорту заявленной специальности 10.02.01 — русский язык. Автореферат и 62 публикации, среди которых 19 работы опубликованы в изданиях, рекомендованных ВАК, индексируемых в международных базах научного цитирования Web of Science и Scopus, 1 индивидуальная и 2 коллективных монографии, соответствуют проблематике исследования и в полной мере отражают его содержание.

На основании вышесказанного можно утверждать, что диссертация И.Ю. Граневой на тему: «Русские личные местоимения в свете интегрального описания языка: коммуникативно-прагматические, лингвокультурологические и когнитивно-дискурсивные аспекты», соответствует критериям п.п. 9,10,11,13,14 «Положения о присуждении

ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842, а также паспорту специальности 10.02.01 – русский язык, а ее автор, Гранева Ирина Юрьевна, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 – русский язык.

Официальный оппонент – доктор филологических наук (научная специальность 10.02.19 — теория языка), федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт языкоznания Российской академии наук» (г. Москва), отдел теоретического и прикладного языкоznания, сектор теоретического языкоznания, ведущий научный сотрудник

Ковшова Мария Львовна

16 сентября 2022 года

Сведения об авторе отзыва:

ФИО: Ковшова Мария Львовна

Должность: ведущий научный сотрудник сектора теоретического языкоznания отдела теоретического и прикладного языкоznания федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт языкоznания Российской академии наук»

Ученая степень: доктор филологических наук (научная специальность 10.02.19 — теория языка)

Ученое звание: нет

Контактный телефон: 8 916 931 81 33

E-mail: kovshova_maria@list.ru

Полное наименование организации: федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт языкоznания Российской академии наук» (Ияз РАН)

Тел.: 8 495 690 35

E-mail организации: iling@iling-ran.ru

Юридический адрес: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1.

Адрес организации в сети интернет: <https://iling-ran.ru/web/>

С основными публикациями М.Л. Ковшовой можно ознакомиться на сайте научной электронной библиотеки E-library:

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=105565&show_refs=1&pubrole=100